

Псковский регионологический журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 4 (40) Том . 2019

Историческое развитие отечественной политической географии и геополитики

Елацков Алексей Борисович

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Каледин Николай Владимирович

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация

Рассмотрены такие малоизученные вопросы, как генезис, периодизация и особенности развития геополитики и политической географии как научно-образовательных направлений в России. Основываясь на историческом, деятельностно-геопространственном и структурно-генетическом подходах, описаны основные научно-образовательные парадигмы, сменявшие друг друга в историческом развитии политико-географического знания: государствоописательная, антропогеографическая, государственно-геополитическая, деятельностно-общественная, которые различались методологическими основами и приоритетной тематикой. Рассмотрен российский приоритет в появлении термина и науки «политическая география» как результат деятельности немецких учёных в Санкт-Петербургской Академии наук. На основе деятельностно-геопространственного подхода предложены принципы исторического анализа типологии и логики построения геополитических моделей. Выделены географический, деятельностный и хроногеополитический типы таких моделей.

Ключевые слова: научная школа, политическая география, геополитика, научно-образовательная парадигма, исследовательская программа, геополитическая модель

Дата публикации: 25.12.2019

Ссылка для цитирования:

Елацков А. Б., Каледин Н. В. Историческое развитие отечественной политической географии и геополитики // Псковский регионологический журнал – 2019. – Выпуск 4 (40) С. 3-15 [Электронный ресурс]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310010164-3-1> (дата обращения: 04.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310010164-3

¹ **Эволюция научных парадигм** Неоспоримым фактом является выдающийся вклад российских национальных школ политической географии и геополитики в мировую науку и культуру. Рассмотрим некоторые их достижения и особенности развития. С учётом того, что оба указанных исследовательских направления пересекаются между собой, но полностью не совпадают, основное внимание обратим именно на их общее поле научных интересов.

² В развитии отечественной политической географии можно выделить ряд крупных исторических этапов, связанных с преобладанием *научно-образовательных парадигм*. Каждая из них отличалась от других методологической основой, характером предметной области и тематическими приоритетами. В этом смысле их можно считать также и доминирующими на определённом этапе исследовательскими программами. Геополитическая мысль, в той части, в какой она была связана с политико-географическими исследованиями, в определённой степени также отражала смену этих парадигм.

³ Исторически первым в развитии отечественной политической географии и геополитики можно считать *донаучный этап*, когда политико-географическое и геополитическое знание ещё не связывалось со специальными науками. Для этого этапа были характерны преимущественно эмпирические политико-географические описания и геополитические идеи, не использующие научные методы верификации и моделирования. Большую роль в формировании геополитических идей играли сакрально-географические и философские представления.

⁴ Самой известной на сегодня концепцией раннего периода является, пожалуй, идея Филофея Псковского о Москве как о Третьем (и последнем) Риме, высказанная им в начале XVI в. в послании к Василию III, хотя её прообраз возник ещё раньше (например, понимание Москвы как «Нового Царьграда»). Постепенно с Третьим Римом отождествляется и вся Россия, которая стала представляться уникальным миром. Эта концепция одной из первых открыла череду идеальных геополитических образов, с которыми российские мыслители отождествляли Россию на протяжении последующей истории. Среди прочих авторов данного этапа можно указать, в частности, на историка А. Лызлова (конец XVII в.), в своей «Скифской истории» построившего, по сути, доктрину противостояния кочевого и оседлого миров в Евразии. Тогда о дихотомии «Суши» и «Моря», позже положенной Х. Маккиндером в основу геополитики, даже не задумывались. Можно также упомянуть государственного деятеля и публициста А. Ордина-Нащокина (XVII в.), предлагавшего модель объединения двух крыльев славянского мира путём союза с Польшей.

5 **Научный этап** развития политической географии и геополитики можно отнести к первой четверти XVIII в. Именно в этот период трудами сподвижников Петра I создаются первые научные школы и институты, среди которых — Академия наук и Академический университет в С.-Петербурге (1725 г.). Дальнейшее развитие политической географии и геополитики можно рассматривать как ряд исторических ступеней научного познания, для которых были характерны свои научно-образовательные парадигмы [11; 12]. Рассмотрим их подробнее.

6 **Государствоописательная парадигма** с ней связаны возникновение и становление политической географии, предметом которой стало комплексное описание стран, а главным методологическим принципом отбора и систематизации эмпирического материала — «государственно-географический» подход, в силу «политической» (в терминологии традиционной со времён Аристотеля), т. е. «государственной», привязанности такой информации. Она олицетворяла общественно-географическое направление в географии до конца XIX в. и имела явно эмпирический характер. При этом государствописание исходило из принципов географического детерминизма и развивалось в конкуренции со статистикой (камеральной, политической).

7 Надо отметить, что в XIX в. общественно-географическое познание во всё большей степени развивалось именно в рамках более прагматичной статистики (также систематизировавшей разнообразные знания о жизни государств — *Stato, ital.*), о чём свидетельствует и название первой российской общественно-географической кафедры географии и статистики, созданной в Санкт-Петербургском университете в 1819 г. Даже выдающийся представитель военной географии Д. А. Милютин предложил преобразовать её в военную статистику как более комплексную дисциплину.

8 Несомненен исторический приоритет России в возникновении самой политической географии [11]. В 1738 и 1739 гг. Академией наук было издано первоначально на немецком, а затем на русском языках «Краткое руководство к математической и натуральной географии» немецкого профессора на российской службе Г. В. Крафта. Именно в этих изданиях впервые в мире был применён термин «политическая география» как раздел географической науки. В 1745 г. в Академии был издан труд его коллеги профессора Х.-Н. Винцгейма «Краткая политическая география» [3].

9 В европейских странах термин «политическая география» появляется во второй половине 1750-х гг. в трудах А. Бюшинга (считавшегося Ф. Ратцелем «отцом» политической географии), благодаря его взаимодействию в конце 1740-х гг. с на-званными российскими «инноваторами» термина [11, с. 24–25]. На основе этих трудов в 1758 г. И. М. Гречем и С. Ф. Наковольниным был создан первый «полный» отечественный учебник «Политическая география» [6], который издавался в четырёх частях по 1772 г.

10 Расцвет государствоописательной парадигмы политической географии приходится на первую половину XIX в., происходит в конкуренции со статистикой и связан с деятельностью на упомянутой кафедре профессоров К. Ф. Германа (её

первого заведующего), Е. Ф. Зябловского (автора первой развёрнутой концепции политической географии) [10] и К. И. Арсеньева (автора первого общественно-географического исследования по формированию территории и районированию России, и также первого геополитического представления о центрально-периферическом характере её могущества) [1]. Можно упомянуть и один из первых геополитических, по сути, атласов, созданный в рамках данной парадигмы [2].

¹¹ **Антропогеографическая парадигма** Причины последующего кризиса и постепенного забвения политической географии кроются как в конкуренции со статистикой, так и в дифференциации самой географии, утверждении её новой структуры, связанной с трудами немецких географов XIX в. антропогеографической школы (К. Риттера, Ф. Ратцеля и др.). Антропогеография связывала общественные явления на земной поверхности в первую очередь с природными факторами, пытаясь уже не только описывать, но и объяснять географические различия в жизни общества. В новой структуре географии предмет политической географии оказался «разобраным» тремя новыми направлениями: народоведением, государствоведением и экономической географией. И хотя антропогеографическая парадигма политической географии вытесняет государствоописательную в Европе лишь в конце XIX в. (после публикации Ф. Ратцелем в 1897 г. его «новой» «Политической географии»), её истоки в форме идей географического детерминизма прослеживаются в России с начала XVIII в.

¹² В России в начале 1890-х гг. в концепции структуры географии известного профессора-антрополога Э. Ю. Петри уже нет места традиционной политической географии, критически именуемой им «так называемая», представляющая собой «неорганизованный и лишённый научной системы конгломерат всевозможных сведений, относящихся к географии» [15, с. 46]. Переход к новой, антропогеографической парадигме завершается накануне Первой мировой войны трудом В. П. Семёнова-Тян-Шанского [19]. Констатируя в 1915 г. отсутствие научной политической географии в России, он тем не менее делает исключение для её становления «блестящих трактатов» конца XIX — начала XX в. трёх профессоров: В. И. Ламанского (о триединой историко-культурной и территориально-политической структуре Евразии и специфике в ней российско-восточноевропейско-евразийского «Среднего мира», рис. 1) [14], П. П. Семёнова-Тян-Шанского (о закономерности и особенностях колонизационных движений в мире и России) и А. И. Воейкова (об антропополитико-географическом районировании наиболее освоенной части Земного шара, рис. 2) [5].

Рис. 1. Примерные границы «трех миров» Евразии по В. И. Ламанскому (составлено по текстовому описанию в [14])

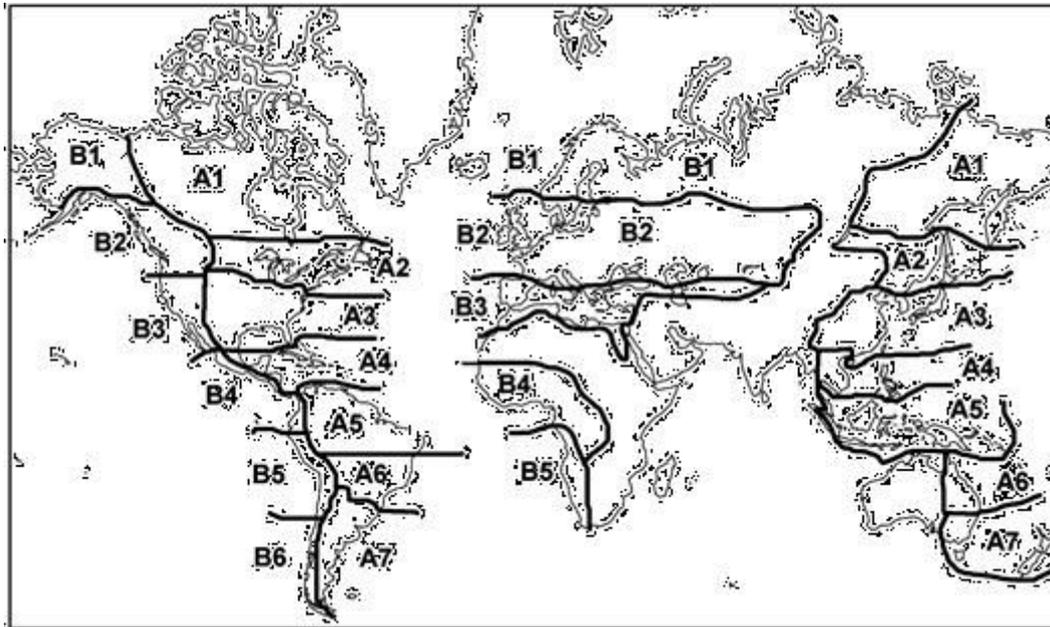

Рис. 2. Торговые бассейны океанов по П. И. Воейкову [5]

15 Жирными линиями обозначены границы торговых бассейнов Тихого и Атлантического океанов и их широтно-климатических зон. Буквенно-цифровые индексы зон: А — на востоке континентов, Б — на западе континентов, 1–7 — порядковые номера зон.

16 В. П. Семёнов-Тян-Шанский рассматривал политическую географию как «итоговое», синтетическое и многоуровневое знание, географию «территориальных и духовных господств человеческих сообществ», а географо-детерминистские принципы ратцелевской политической географии были дополнены фактором экономической деятельности человека как важного опосредующего звена в процессе формирования территориального господства. Им были выделены исторические формы «могущественно-территориального владения» («средиземноморская», «клочкообразная», «чрезматериковая») как

результата действия природных, исторических, экономических и культурных факторов территории.

¹⁷ К этому этапу следует отнести труды ещё трех известных авторов. Во-первых, антропо-геополитическую цивилизационную (в современной терминологии) по своей сути концепцию локальных «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского, представленную в книге «Россия и Европа» (1869 г.). Во-вторых, главный труд Л. И. Мечникова, созданный им в эмиграции, «Цивилизация и великие исторические реки» [26]. В-третьих, труд известного представителя русского космизма А. Л. Чижевского о влиянии циклической деятельности Солнца, как фактора географической среды, на геополитические процессы в истории [22].

¹⁸ Вне же географической науки антропогеографическая парадигма в геополитике имела противоречивое влияние. С одной стороны, там она начала складываться несколько раньше, чем в самой политической географии. Например, работа Данилевского уже выходила за рамки не только государствоописательной парадигмы, но тогдашней географии вообще. С другой стороны, множество философских и «политологических» трудов геополитического плана практически не испытали влияния антропогеографии.

¹⁹ Одним из вариантов антропогеографической парадигмы политической географии можно рассматривать *евразийство* — историко-философскую и политико-географическую концепции об особом «месторазвитии» и исторической миссии Рос-сии, отличающихся своеобразным (евразийским) историко-культурным единством, обусловленным географической и этнографической целостностью территории [17]. Одним из важнейших понятий евразийцев стало «месторазвитие», также они одними из первых стали использовать термин «геополитика». Концепция разрабатывалась в 1920–1930-е гг. российскими учёными-эмигрантами, П. Н. Савицким, Г. В. Флоровским, Н. С. Трубецким, Г. В. Вернадским и др.

²⁰ Более поздней (1960-е — 1980-е гг.) и исторически последней российской страницей антропогеографической парадигмы политической географии, методологически близкой евразийству, стала этногенетическая и этно-геополитическая концепция Л. Н. Гумилёва — выдающегося русского этнолога, историка и географа. Именно им была предложена модель пассионарных циклов этногенеза, имеющих пространственную локализацию и геополитический смысл (рис. 3) [7].

²¹ Ещё одним вариантом антропогеографической парадигмы можно назвать «украинство» — представления украинских учёных и политиков периода после распада Российской империи (1920-е — 1940-е гг.), разрабатывавшиеся как на территории Украины, так и в украинской эмиграции (М. С. Грушевский, С. Л. Рудницкий, Д. И. Донцов, Ю. И. Липа и др.). При общей для них методологической «триаде» (украино-центричности, «самостийности», антироссийскости) спектр этих представлений весьма широк [23, с. 174–252].

практическим уровнем геополитики (Н. И. Панин, Н. Н. Муравьев-Амурский и др.).

²⁶ На все из них наложил отпечаток спор славянофилов, западников и государственников, у которых были и свои предпочтения. Славянофильское крыло предпочитало цивилизационную, в то время как западническое — политико-социологическую программу исследований. Особую роль сыграли географический детерминизм и антропогеография, способствовавшие развитию геополитики в лоне географии.

²⁷ **Государственно-геополитическая парадигма** Радикальные территориально-политические изменения по итогам Первой мировой войны и социалистической революции в России вызвали трансформацию антропогеографической парадигмы политической географии Ф. Ратцеля — В. П. Семёнова-Тян-Шанского в более узкий вариант — государственно-геополитическую парадигму. Сохранявшиеся в негеографических работах геополитического плана остатки государствоописательной парадигмы также переходят к государственно-геополитической парадигме, минуя стадию антропогеографии (характерной для тогдашней политической географии и «географического» крыла геополитики). Новая область политико-географического знания в 1899 г. была обозначена шведским профессором Р. Челленом термином «геополитика» и стала доминирующей и определяющей своеобразие новой парадигмы политической географии, постепенно выделившись в самостоятельное междисциплинарное научное направление.

²⁸ В отличие от «западной» интерпретации развития территориально-политических систем, в СССР сложилась иная, марксистско-ленинская, методологическая основа их изучения, с биполярным восприятием общественно-политических процессов, в т. ч. территориально-политических, сквозь классовую, антикапиталистическую идеологическую призму. Ключевой геополитической работой на десятилетия вперед стала книга В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.), подчёркивавшая неравномерность мирового развития. Важным компонентом идеологии 1920-х гг. стала доктрина «мировой революции». Её активным сторонником и пропагандистом стал Л. Д. Троцкий. В 1920-е гг. сформировалось и представление об СССР как осаждённой острове-крепости (М. В. Фрунзе). Далее геополитические исследования, особенно в общественно-политической сфере, на протяжении всей советской истории были подчинены идеологическим установкам партийных лидеров.

²⁹ Вместе с тем долгое официальное неприятие политической географии и геополитики как научных направлений и учебных дисциплин (информация о них, присутствовавшая в советских энциклопедиях и справочниках в 1920-е гг., отсутствовала начала 1930-х до 1960-х гг.) сопровождалось «миграцией» и «растворением» политико-географической и геополитической проблематики в других науках — военной географии, обществоведческих науках, востоковедении и особенно в экономической географии зарубежных стран (но как «вспомогательного» знания). Монопольные позиции в научной и учебной литературе на несколько десятилетий заняли пять государственно-геополитических тем: политическая карта; типология стран мира; география

межимпериалистического соперничества; политизация экономико-географических характеристик стран мира; критика западной политической географии и геополитики (В. Э. Ден, И. А. Витвер, М. Б. Вольф, Б. Н. Семевский, А. Г. Шигер и др.). Однако изучение западной геополитики в 1920-е гг. В. Э. Деном и его коллегами по кафедре экономической географии Ленинградского государственного университета привело к их обвинению в контрреволюционной деятельности.

³⁰ Геополитические воззрения складывались не только в рамках экономической географии. Всемирную известность и геополитическую интерпретацию получила концепция «длинных волн» («больших циклов») мировой экономической конъюнктуры Н. Д. Кондратьева. В области критики западной геополитики поработали так-же философы и историки (И. С. Звавич, Е. В. Тарле, Н. Ф. Яницкий и др.).

³¹ География политико-географических и геополитических исследований носила ярко выраженный «столичный характер» — в ней доминировали научные и образовательные организации Петрограда/Ленинграда (Географический институт, Ленинградский государственный университет, его Научно-исследовательский географо-экономический институт) и Москвы (МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт географии Академии наук, Коммунистическая Академия, Институт мирового хозяйства и миро-вой политики).

³² **Деятельностно-общественная парадигма** Тенденция политизации экономической географии закономерно активизировалась после Второй мировой войны, расширения социалистической системы и распада колониальной системы, что привело к расширению предметной области политической географии геополитики и к «вызреванию» новой парадигмы — деятельностно-общественной, сложившейся уже во второй половине 1970-х гг.

³³ Её содержание включает изучение территориально-политических аспектов уже не только государственной, но и других видов деятельности общества (в первую очередь, таких субъектов, как партии, этносы, религиозные конфессии и др.), а также иных сфер жизни общества (экономической, социальной, этнической, культурной и др.) и их интегральных результатов, в т. ч. политико-географических районов. Про-исходит переход от государственно-геополитической тематики к более широкому политико-географическому страноведению, ставшему в 1980-е гг. ядром новой парадигмы и охватывающему широкий круг вопросов территориальной расстановки политических сил в странах, их регионах и отдельных центрах (электоральную географию), региональные социально- и культурно-политические различия, политико-географическое районирование, методику политико-географических характеристик стран и их регионов и др. Именно в рамках этой парадигмы в ряд научных направлений возвращается сначала политическая география, а с конца 1980-х гг. — и геополитика. Неоценимый вклад в этот процесс внесли выдающиеся географы С. Б. Лавров и В. А. Колосов. Знаковым событием стало первое Всесоюзное совещание по проблемам политической географии, прошедшее в 1986 г. в Баку и по итогам которого был выпущен первый в СССР политико-географический сборник научных трудов [16], в котором впервые были опубликованы доклады, позитивно трактующие геополитику.

34 В рамках современного (постсоветского) этапа деятельностно-общественной парадигмы сложились три основных научно-дисциплинарных направления исследований:

- в теории международных отношений (А. Д. Богатуров, Л. Г. Ивашов, Н. А. Комлева, С. А. Косолапов, С. В. Лурье, В. П. Ощепков, Э. А. Поздняков, К. Э. Сорокин, А. И. Уткин, П. А. Цыганков и др.);

- в политологии и политической публицистике (К. С. Гаджиев, А. Г. Дугин, М. В. Ильин, А. С. Панарин, А. П. Паршев, К. В. Плешаков, В. Н. Рябцев, Р. Ф. Туровский, В. Л. Цымбурский и др.);

- в политической географии (К. Э. Аксёнов, П. Я. Бакланов, Л. А. Безруков, О. В. Витковский, В. В. Вольский, Ю. Н. Гладкий, В. А. Дергачёв (Киев), А. Г. Дружинин, А. Б. Елацков, Д. Н. Замятин, Н. В. Каледин, В. А. Колосов, С. Б. Лавров, А. И. Ибрагимов (Баку), Я. Г. Машбиц, Н. С. Мироненко, А. С. Перепечко (Минск), Ф. А. Попов, С. Б. Слевич, Л. В. Смирнягин, А. И. Трейвиш, Р. Ф. Туровский, А. Е. Фёдоров, В. Г. Шведов, В. С. Ягья и др.).

35 Основными теоретическими концепциями политической географии, на которые опирается большая часть исследований объективной политико-географической реальности, стали концепции территориально-политической организации общества (В. А. Колосов [13]) и геополитической самоорганизации общества (Н. В. Каледин [11]). В соответствии с первой, опирающейся на территориальный подход, предметом политической географии является процесс территориально-политической организации общества и его результаты — территориально-политические системы, а их элементарной единицей — «политико-географическое место». Вторая концепция, исходя из деятельностно-геопространственного подхода, даёт более широкую интерпретацию политико-географической реальности как результата непрерывного взаимодействия, взаимной адаптации разнообразной политической деятельности общества и многообразных условий-свойств земного пространства (геопространства). Результатом и элементарным носителем этого геоадаптационного процесса и его результатов — политико-географических явлений выступают геополитические отношения. Это те «кирпичики», из которых сложена политико-географическая картина мира.

36 С этих позиций геополитика представляется деятельностью по управлению геополитическими отношениями между политическими субъектами и условиями геопространства, в т. ч. отношениями контроля над этим геопространством. Соответственно геополитика как область знания ставит задачу выявления, прогнозирования и проектирования таких отношений. Составной частью этой деятельности является геополитическое моделирование.

37 **Изучение логики геополитических моделей** Рассматривая историческое развитие геополитической мысли и предлагавшихся разными авторами геополитических моделей, возникает потребность обобщенного понимания той логики, в рамках которой эти модели формулировались. Для этого требуется перейти к теоретическому уровню осмысления геополитического знания. Далее предложим возможный вариант решения задачи [8; 9].

38 Основываясь на деятельностно-геопространственном подходе [11], в качестве базового элемента теоретизации и объекта исследования определяется геополитическое отношение (ГПО). Каждому ГПО имманентно присущи географическое и политическое отношения.

39 Вся многообразная совокупность таких отношений представляет собой геополитическое пространство. Участок геопространства, участвующий в однородных ГПО с отдельным субъектом, можно именовать геополитическим полем. В расширенном же контексте предлагается использовать геоадаптационный подход к исследованию геополитики и смежных с ней проблем. Фактор адаптационного давления, называемый в адаптационной теории стрессором, применительно к данному контексту рассматривается нами в качестве геострессора.

40 Изучая историческое развитие исследований геополитической реальности, можно разделить их на два больших уровня: эмпирический и концептуальный. На первом исследуются конкретно-исторические ГПО в том виде, в каком их удастся выявить или предположить. Часто результаты этих исследований используются для второго уровня, на котором строится та или иная идеализированная модель. При геополитическом моделировании исследуются системы ГПО, которые можно типологизировать и отнести к тем или иным абстрактным идеальным моделям. Группы идеальных моделей можно условно разделить на три класса по приоритетно рассматриваемой стороне в ГПО — географической, деятельностно-политической и их общей динамике. Опишем их подробнее.

41 *Модели географического ряда.* Модели географического ряда берут своё начало ещё от концепций географического детерминизма. Обосновывая сеть геополитических границ, регионов, и геополитических полей, кладут в основу не локализацию интересов и геополитических полей акторов, а инвариантную структуру географической оболочки, прежде всего физико-географическую. Имеет место вне-субъектный подход, как бы взгляд на ГПО с другой, геопространственной его стороны. Соответственно, можно выделить две основные группы моделей — естественно-географические и общественно-географические.

42 Так, к моделям естественно-географического типа можно отнести, например, гипотезу Л. Н. Гумилёва о локализованных линиях пассионарных толчков (см. рис. 2) или модель А. Е. Фёдорова о влиянии геологических структур на конфликты и геополитику [21]. Несколько иначе обстоит дело при исследовании общественно-географических факторов. В данном случае абстрагирование может происходить только при оценке таких явлений, которые мало зависят от изменчивых политических границ интересов. Это может быть некий «социально-экономический субстрат» политических процессов с инвариантом границ — этническая карта, экономические районы, транспортные сети или цивилизации. Сюда, например, можно отнести модель А. И. Трейвиша, определяющую геополитическую величину страны её мировой долей по трём общественно-географическим показателям [20, с. 72].

43 Если попытаться обобщить разнообразные географические модели с точки зрения геоадаптационного подхода, можно отметить два основных пути их

построения. Во-первых, это описание принудительной детерминации (трансформации) собственных характеристик, находящихся на некоторой территории геополитических субъектов. Например, пассионарный толчок по концепции Л. Н. Гумилёва происходит независимо от воли сообщества и первоначально незаметен. Во-вторых, что встречается реже, может описываться образование положительных и отрицательных геострессоров (факторов геоадаптационного давления) для произвольных субъектов на данной территории. Это проявляется, например, при описании «притягивающей» геополитической роли месторождений углеводородов. Модели обеих ветвей в конечном итоге оценивают влияние описанных факторов в качестве внешних и внутренних условий для политической динамики/геоадаптации геополитических субъектов на территории.

⁴⁴ *Модели деятельностного ряда.* В данных моделях рассматриваются отдельные или включенные в некую географически структурированную мозаику геополитические поля отдельных акторов. Широко распространённой моделью этого типа является концепция «больших пространств» в разных вариациях. В этом же ключе можно рассматривать и типологию геополитических пространств по В. П. Семёнову-Тян-Шанскому. Наиболее востребованной в описании геополитического положения государств представляется секторно-концентрическая (радиально-кольцевая) идеализированная модель.

⁴⁵ Обобщая разнообразные деятельностно-пространственные модели локального (частного) уровня, можно отметить основные пути их логического построения (рис. 4). Во-первых, имеется различие между моделями позиционирования (пассивной оценки, анализа и прогнозирования) и стратегирования (активного, нормативного проектирования и программирования). Во-вторых, описываются, с одной стороны, реакции на вызовы геострессоров, а с другой — роль общей дифференциации геопространства. В итоге все модели данного типа оценивают влияние указанных факторов на политическую трансформацию/геоадаптацию и политико-геоадаптационные возможности конкретных субъектов.

⁴⁶ На следующем шаге описывается уже результат взаимодействия субъектных и геопространственных факторов. Этот процесс имеет несколько «выходов». С одной стороны, это функциональная (отраслевая) политическая геоадаптация, а с другой — складывающиеся пространственные формы геополитических полей. С точки же зрения исторической геополитики интересно проследить относительные изменения элементов данной схемы на разных исторических этапах, а также каким образом эти изменения фиксировались в геополитических моделях авторов прошлых эпох.

⁴⁷ В принципе, кроме описанного типа, в ряду деятельностных моделей можно выделить ещё несколько, включая «непространственный» деятельностно-функциональный и «надсубъектный» сетевой [9].

Рис. 4. Обобщенная логическая структура геополитических моделей деятельностного ряда [9]

49 **Модели хроногеополитического ряда.** Развёртывание и структуризация ГПО и геополитических полей происходит во времени как в своего рода четвёртом измерении геопространства. В первом приближении можно выделить три основных подхода — аналитический, стадиальный и циклический. В отечественной литературе особую популярность получили различные модели геополитических циклов. Интерес к ним, видимо, связан с тем, что они, в идеале, позволяют прогнозировать геополитический процесс. Это и пассионарный цикл по Л. Н. Гумилёву, и цикл отношений Россия — Европа по В. Л. Цымбурскому, и длинные волны по Н. Д. Кондратьеву, и ряд других.

50 Таким образом, можно заключить, что множество разнородных, на первый взгляд, геополитических моделей достаточно хорошо могут вписываться в некоторую общую логическую структуру и классификацию. Это открывает путь для интегрального рассмотрения геополитических моделей, предлагавшихся разными авторами в различные периоды истории, как элементов единой системы геополитического знания.

Библиография:

1. 1. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848.
2. Блок А. Атлас. Сравнительное обозрение сил и богатства европейских государств. СПб., 1863.
3. Винсгейм Х.-Н. Краткая политическая география: К изъяснению изданного на русском языке небольшого атласа. СПб., 1745.

4. Витвер И. А. Историко-географическое введение в экономическую и политическую географию капиталистического мира. М., 1945.
5. Воейков А. И. Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара? // Изв. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1904. Вып. IV.
6. Греч И. М., Наковольнин С. Ф. Политическая география сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, для употребления учащагося во оном Корпусе шляхетства напечатана. СПб., 1758.
7. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
8. Елацков А. Б. Обобщенные типы геополитических моделей // География и природные ресурсы. 2019. № 3.
9. Елацков А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРА-М, 2017.
10. Зябловский Е. Курс всеобщей географии по нынешнему политическому разделению. Ч. 1. СПб., 1818.
11. Каледин Н. В. Политическая география. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996.
12. Каледин Н. В., Чистобаев А. И., Каледин В. Н., Елацков А. Б. Развитие политической географии и геополитики в Балтийском регионе как научно-образовательных направлений: исторический вклад Санкт-Петербургского университета // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 2. С. 136–152.
13. Колосов В. А. Территориально-политическая организация общества. Дисс.... д-ра геогр. наук. М., 1992.
14. Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.
15. Петри Э. Ю. Методы и принципы географии. СПб., 1892.
16. Политическая география: проблемы и тенденции: матер. Всесоюз. совещ. / Под ред. В. А. Колосова, А. И. Ибрагимова. Баку, 1987.
17. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн / Под ред. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземской. М., 1993.
18. Семевский Б. Н. Вопросы теории экономической географии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.
19. Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Изв. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1915. Вып. 8.
20. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М., 2009.

21. Фёдоров А. Е. Возможные геотектонические причины движений народов (массовых миграций) и геополитика // Альманах Пространство и Время. 2012. Вып. 2.
22. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.
23. Шаблій О. І. Політична географія, геополітика і геостратегія // Суспільна географія: теорія, історія, українознавчі студії. Львів. 2001.
24. Шигер А. Г. Политическая карта мира (1900–1960). Справочник. Ч. 1. М., 1961.
25. Krafft G. W. Kurtze Einleitung zur Mathematischen und Naturlichen Geographie, nebst dem Gebrauch der Erd-Kugeln und Land-Charten, zum Nutzen der Russischen studirenden Jugend. St. Petersburg, 1738.
26. Metchnikoff L. La Civilisation et les grands fleuves historiques / avec une préface de M. Élisée Reclus. P., 1889.

Historical development of internal political geography and geopolitics

Aleksei Elatskov

*Saint Petersburg State University
Russian Federation, St. Petersburg*

Nikolai Kaledin

*Saint Petersburg State University
Russian Federation, St. Petersburg*

Abstract

Such insufficiently explored questions as genesis, periodization, and features of the development of political geography and geopolitics as scientific and educational directions in Russia are considered. Based on the historical, activity-geospatial and structural-genetic approaches the main scientific and educational paradigms are described. They replaced each other in the historical development of political and geographical knowledge in the next order: state-descriptive, anthro-geographical, state-geopolitical, activity-societal. Each one differed in methodological foundations and priority topics. The Russian priority in the emergence of the term and science “political geography” as a result of the activities of German scientists in the St. Petersburg Academy of Sciences in the 1730s and 1740s is considered. The principles of historical analysis of the typology and logic of building geopolitical models are proposed on the basis of the activity-geospatial approach. The geographic, activity and chronogeopolitical types of such models are distinguished.

Keywords: scientific school, political geography, geopolitics, scientific and educational paradigm, research program, geopolitical model

Publication date: 25.12.2019

Citation link:

Elatskov A., Kaledin N. Historical development of internal political geography and geopolitics // Pskov Journal of Regional Studies – 2019. – Issue 4 (40) C. 3-15 [Electronic resource]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310010164-3-1> (circulation date: 04.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310010164-3